

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.М. Кремлевский

Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 7. С. 67-88.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРѢХЪ

ПО УЧЕНИЮ БЛАЖ. АВГУСТИНА ИЛЛОНСКАГО *).

ВЪ ДАЛЬНѢЙШЕЙ полемикѣ по вопросу о смыслѣ крещенія дѣтей мы напрасно стали бы искать у Августина раскрытия и обоснованія той мысли, что дѣтямъ въ крещеніи необходимо прощается грѣхъ Адамовъ. Вотъ, пишетъ Юліанъ, я осудилъ какъ тѣхъ, кои отказываютъ дѣтямъ въ крещеніи, такъ и васть, кои дерзаете осквернять божественное правосудіе неправеднымъ судомъ; я признаю, что установленные таинства должны быть совершаемы одними и тѣми же по преданію передаваемыи словами и не должны мѣняться по различію обстоятельствъ; но грѣшникъ изъ дурнаго дѣлается совершенно добрымъ, а невинный, не имѣющій никакого грѣха, изъ благого дѣлается лучшимъ, т. е., превосходнымъ (*ex bonoſi erit meliorem, id est, optimum*), такъ что оба по освященіи становятся членами Христа, но одинъ, будучи захваченъ въ дурной жизни, а другой—въ благой природѣ; ибо тотъ полученнуу при происхожденіи невинность погубилъ лукавою жизнью, а этотъ безъ заслуги и безъ вины воли имѣть одно только то, что получилъ отъ Бога Творца. Поэтому этотъ невинный образъ какъ обновленный прославляетъ милосердіе Христа, такъ осужденный или обремененный обличаетъ нечестіе судіи, безславіе правды. Такимъ образомъ изъ единства таинства не обнаруживается виновность

*) См. юньскую кн. „Христ. Чтенія“ за 1902 г.

дѣства, справедливость же божественного суда доказывает не что иное, какъ невинность его.

Здѣсь Юліанъ подробнѣе раскрылъ свой взглядъ на смыслъ крещенія дѣтей. Августинъ въ своемъ отвѣтѣ вмѣсто того, чтобы доказать односторонность этого взгляда и доказать необходимость прощенія грѣха Адамова дѣтямъ при крещеніи, говорить то, чѣмъ въ значительной степени подрываетъ силу доводовъ Юліана, но себѣ мало помогаетъ. Именно, по по-виду замѣчанія Юліана о невинности дѣтей онъ спрашивается, почему же лежитъ на нихъ тяжкое иго. Откуда такая бренность тѣла, обремѣняющая душу? Откуда тупость мысли? Доколѣ тяжкосердъ Юліанъ? Доколѣ любишь суetu и ищешь лжи? Отъ какой ветхости дѣти обивляются, если происхожденіе ихъ новое? Если нѣть обетшанія, то нѣть и обновленія, а обеташаніе въ дѣтяхъ какое можетъ быть, если не Адамово? ¹⁾ На эти вопросы Юліанъ безсиленъ былъ дать отвѣтъ, и когда попытался сдѣлать это, то не могъ указать въ природѣ дѣтей ничего, нуждающагося въ благодати крещенія, кромѣ тѣлесныхъ немощей. Дѣти рождаются, разсудаетъ онъ, малыми и слабыми; они не только не могутъ писаться собственнымъ трудомъ, но и просить помощи не могутъ. Они подвержены столь многимъ случайностямъ, что для нихъ даже слишкомъ густое молоко является уже гибельнымъ. Поэтому врачество Христово необходимо и имъ ²⁾). Слабость такого объясненія очевидна.

Но и Августинъ, доказавъ на основаніи крещенія дѣтей всеобщее разстройство человѣческой природы въ Адамѣ, еще не доказалъ перехода грѣха Адамова на всѣхъ людей. Когда Юліанъ указываетъ ему, что по его (Авг.) учению дѣти оказываются преступными, потому что принимаютъ тоже таинство, какое принимаютъ и идолопоклонники съ влодѣями, то Августинъ въ отвѣтѣ ограничивается однимъ голословнымъ увѣре-ніемъ, что въ крещеніи происходитъ истинное прощеніе грѣховъ какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ ³⁾.

Однако Августинъ находить въ крещеніи дѣтей нѣкоторое подтвержденіе если не дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ возможности вмѣненія дѣтямъ грѣха Адамова. Въ то время

¹⁾ Ор. imp. I, 54—56.

²⁾ Ор. imp. III, 145—151.

³⁾ Ор. imp. I, 57.

какъ Пелагій аргументировалъ: „если грѣхъ Адама повредилъ даже негрѣшащимъ, то и праведность Христа помогаетъ даже невѣрующимъ“, имѣя въ виду показать, что грѣхъ Адама не могъ повредить дѣтямъ, какъ праведность Христа не помогаетъ невѣрующимъ, Августинъ строить обратное умозаключеніе: если праведность Христа помогаетъ въ крещеніи даже неспособнымъ къ вѣрѣ по собственной волѣ, т. е., дѣтямъ, то и грѣхъ Адама могъ повредить неспособнымъ къ грѣху по собственной волѣ, т. е., тѣмъ же дѣтямъ. По поводу приведенного сужденія Пелагія онъ спрашиваетъ Юліана, признаетъ ли онъ дѣтей вѣрующими или певѣрующими. Если дѣти не вѣруютъ, то какимъ образомъ невѣрующимъ помогаетъ благодать Божія, открывая доступъ въ царство небесное. И если дѣйствительно помогаетъ, то грѣхъ Адама имъ, не имѣющимъ воли для грѣха, повредилъ такъ же, какъ помогла праведность Христа имъ, не имѣющимъ воли для вѣры. Если же скажешь—чрезъ другихъ вѣруютъ, то ясно, что и согрѣшилъ могли чрезъ другого. И поелику они дѣйствительно вѣруютъ чрезъ другихъ (почему и причисляются къ вѣрующимъ), то вполнѣ относится къ нимъ сказанное Господомъ: *кто не уель-руетъ, будетъ осужденъ* (Мр. XVI, 16); за что же если они не подъ грѣхомъ? ¹⁾

Здѣсь мы не видимъ, почему грѣхъ Адама долженъ быть повредить дѣтямъ не иначе, какъ именно своимъ переходомъ на нихъ; а съ другой стороны—Августинъ слишкомъ грубо и буквально понялъ вѣру дѣтей чрезъ воспріемниковъ. По поводу этой вѣры мы находимъ у него заслуживающей вниманія комментарій на бесѣду Іисуса Христа съ Никодимомъ, изложенню въ III главѣ ев. Іоанна. Рассмотримъ, пишетъ Августинъ, внимательнѣе ту главу евангѣлія, въ которой сказано: *если кто не возродится отъ воды и духа, не войдетъ въ царствіе Божіе*. Если бы не это изреченіе, то пелагіане совершенно не признавали бы необходимости крещенія дѣтей. „Но такъ какъ, говорятъ они, Господь не сказалъ: кто не возродится отъ воды и духа, не будетъ имѣть спасенія и вѣчной жизни, а только сказалъ: не войдетъ въ царствіе Божіе, то дѣти должны быть крестимы для того, чтобы быть даже со Христомъ въ царствѣ Божіемъ, гдѣ они не будутъ, если не получатъ крещенія; но если дѣти умираютъ и безъ крещенія,

¹⁾ Ор. imp. I, 56.

они будуть имѣть спасеніе и жизнь вѣчную, такъ какъ они не связаны никакими узами грѣха“. Утверждая такимъ образомъ, они не объясняютъ, справедливо ли отлучать отъ царства Божія образъ Божій, не имѣющій никакого грѣха. Затѣмъ, посмотримъ, не обозначилъ ли Христосъ въ этой рѣчи, что крещенные достигаютъ царствія Божія не иначе, какъ именно чрезъ прощеніе грѣховъ. Для правомышляющихъ это уже достаточно ясно изъ выражений: *кто не родится снова, не можетъ видѣть царствія Божія, и: кто не возродится отъ воды и духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе*. Для чего нужно родиться снова, если не для возрожденія? Отъ чего возрождаться, если не отъ ветхости? Отъ какой ветхости, если не отъ той, въ которой ветхій нашъ человѣкъ сраспинается Христу, чтобы упразднить тѣло грѣха (Рим. VI, 6)? Или почему образъ Божій не входитъ въ царствіе Божіе, если не отъ препятствія со стороны грѣха? Однако разсмотримъ весь этотъ отдѣлъ евангелія.

Междуди фарисеями, пишеть евангелистъ, былъ нѣкто, по имени Никодимъ, одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ. Онъ пришелъ къ Господу ночью и сказалъ Ему: *Равви! мы знаемъ, что Ты учитель, пришедший отъ Бога; ибо такихъ чудесъ, какія Тытворишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ*. Господь сказалъ ему въ отвѣтъ: истинно, истинно говорю тебѣ: *если кто не родится свыше (по латин. тексту—de novo, снова), не можетъ видѣть царствія Божія*. Никодимъ говоритъ Ему: *какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться?* Господь отвѣчалъ ему: истинно, истинно говорю тебѣ: *если кто не родится отъ воды и духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе*. Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ. *Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше (снова)*. Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ духа. Никодимъ сказалъ Ему въ отвѣтъ: *какъ это можетъ быть?* Господь отвѣчалъ и сказалъ ему: *ты учитель Израилевъ и этого ли не знаешь?* Истинно, истинно говорю тебѣ: *Мы говоримъ о томъ, что знаемъ и свидѣтельствуемъ о томъ, что видѣли; а вы свидѣтельства нашего не принимаете. Если Я сказалъ вамъ о земномъ и вы не вѣрите, какъ по-*

впрыте, если дуду говорить съ вами о небесномъ? Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ человѣческій, сущій на небесахъ. И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, дабы всякий, впрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единородного, дабы всякий, впрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него. Впрующій въ Него не судится, а невпрующій уже осужденъ, потому что не упровералъ во имя единородного Сына Божія. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякий, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что въ Богъ содѣланы.

Итакъ, Никодимъ, не понявши Спасителя, спрашиваетъ, какимъ образомъ это можетъ быть. Въ отвѣтъ на это Господь разъясняетъ, какимъ образомъ можетъ происходить духовное возрожденіе человѣка изъ состоянія тѣлеснаго рожденія. Отмѣтивъ непониманіе того, кто самъ возвышался надъ другими учительствомъ, и укоривъ невѣріе всѣхъ подобныхъ людей, не принимающихъ свидѣтельства истины, Господь прибавилъ: если Онъ о земномъ сказалъ, и они не вѣрятъ, то какъ повѣрять, если услышать о небесномъ? Но, продолжаетъ, если они не вѣрятъ, то повѣрять другое, какимъ образомъ это можетъ быть. Никто, говорить Онъ, не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ неба Сынъ человѣческій, сущій на небесахъ. Духовное рожденіе состоить въ томъ, что люди изъ земныхъ становятся небесными; это происходитъ чрезъ то, что люди становятся членами Христа, такъ что восходить тотъ самый, кто и нисходитъ, потому что никто не восходитъ, если кто не нисходитъ. Итакъ, никто не можетъ взойти, если не будетъ въ единеніи со Христомъ восшедшими, Который мыслить о Своемъ тѣлѣ, т. е., о церкви Своей, какъ о Себѣ Самомъ, потому что правильнѣе ко Христу и церкви относить выраженіе: будутъ два въ одну плоть, о чемъ Самъ Онъ сказалъ: итакъ, уже не два, но одна плоть (Быт. II, 24; Мр. X, 8). Ибо хотя Сынъ человѣческій и

явился на землѣ, однако Онъ не счелъ недостойнымъ назвать сыномъ человѣческимъ божество Свое, пребывая которымъ на небѣ, спешь на землю, подобно тому какъ и плоть Свою удостоилъ имени Сына Божія, чтобы не подумали, что два Христа, одинъ — Богъ, а другой — человѣкъ, но что одинъ и тотъ же и Богъ и человѣкъ, Богъ, потому — что *въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ, а человѣкъ, потому что Слово стало плотью и вселилось среди насъ* (Иоан. I, 1—4). Отсюда, по различію Божества и немощи человѣческой Сынъ Божій пребывалъ на небѣ, а сынъ человѣческий жилъ на землѣ, по единству же лица, по которому та и другая субстанція суть единый Христосъ; Сынъ Божій жилъ на землѣ и тотъ же самый сынъ человѣческий пребывалъ на небѣ. Такимъ образомъ, вѣря въ постижимое, будемъ вѣрить и въ непостижимое. Если божественная субстанція могла ради настъ такъ воспринять человѣческую субстанцію, что стала однимъ лицомъ и такимъ образомъ сынъ человѣческий, будучи на землѣ по немощи плоти, былъ и на небѣ по пріобщившемуся плоти божеству, то тѣмъ болѣе постижимо, что другіе люди, святые и вѣрующіе въ Него, становятся едино съ человѣкомъ Христомъ, такъ что со всѣми, восходящими чрезъ эту благодать и общеніе съ Нимъ, Самъ единый Христосъ восходитъ на небо, сшедшій съ неба. Такъ и апостолъ говорить: *какъ въ одномъ тѣль имъмъ много членовъ, такъ какъ тѣло одно, а членовъ много, такъ и Христосъ* (1 Кор. XII, 12). Не сказалъ: такъ и у Христа, тѣло Христа или члены Христа, но выразился — такъ и Христосъ, называя одного Христа главою и тѣломъ.

Такъ какъ это великое и удивительное возвышеніе проходитъ именно чрезъ прощеніе грѣховъ, то Христосъ говорить далѣе: *какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно воснесену быть Сыну человѣческому, дабы всякий вѣрующій въ него не погибъ, но имълъ жизнь вѣчную*. Мы знаемъ, что было въ пустынѣ: многіе умирали отъ ядовитыхъ змѣй; исповѣдуя свои грѣхи, народъ умолялъ Моисея о прекращеніи бѣствія; тогда Моисей, по повелѣнію Господа, поѣсилъ на деревѣ мѣднаго змѣя и убѣдилъ народъ, чтобы всякий ужаленный внимательно смотрѣлъ на змѣя; кто дѣлалъ это немедленно исцѣлялся (Числ. XXI, 6—9). Змѣй означалъ смерть Христа. Отъ змѣя произошла смерть, такъ какъ онъ склонилъ человѣка на грѣхъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ

смертию умеръ. Господь же не имѣлъ во плоти Своей грѣха, какъ бы яда змѣя, однако потерпѣлъ смерть, чтобы безъ вины потерпѣть наказаніе въ подобіи плоти грѣха, вслѣдствіе чего во плоти грѣха уничтожается и вина и наказаніе. Посему, какъ тогда всякий смотрѣвшій на повѣщенаго змѣя врачевался отъ яда и освобождался отъ смерти, такъ и теперь кто сообразуется подобію смерти Христа чрезъ вѣру и крещеніе въ Него, тотъ освобождается отъ грѣха чрезъ оправданіе и отъ смерти чрезъ воскресеніе. Это и выражено въ словахъ: дабы всякий вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Но какую надобность имѣть сообразоваться смерти Христа чрезъ крещеніе ребенокъ, если онъ не зараженъ ядомъ отъ укушенія змѣя?

Затѣмъ послѣдовательно Христосъ говорить: *такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякий вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.* Итакъ, дитя погибнетъ и не будетъ имѣть жизни вѣчной, если чрезъ таинство крещенія не увѣрюетъ въ единороднаго Сына Божія, хотя Онъ пришелъ не для того, чтобы судить міръ, но чтобы спасти міръ. Далѣе особенно выразительно говорить: *вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не упрашивалъ во имя единороднаго Сына Божія.* Гдѣ же помѣстимъ крещеныхъ младенцевъ, если не среди вѣрующихъ, какъ учить авторитетъ вселенской церкви? Но если крещеные дѣти въ числѣ вѣрующихъ, то некрещеные должны быть помѣщены въ числѣ невѣрующихъ. Далѣе, если крещеные не судятся, то лишенные крещенія будутъ судимы. Далѣе прибавляется: *судъ же состоитъ въ томъ, что свѣты пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы.* Здѣсь говорить Спаситель о Своемъ пришествіи, безъ котораго дѣти не могли бы быть въ свѣтѣ. Въ этой любви къ тьмѣ пребываютъ тѣ, кои сами не вѣрятъ и дѣтей не допускаютъ до крещенія. А кто *идетъ къ свѣту*, у того *дѣла въ Богъ содѣланы*, такъ какъ онъ понимаетъ, что оправданіе его зависитъ не отъ его заслугъ, но отъ благодати Божіей, ибо, говорить апостолъ, *Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе, по Своему благоволенію* (Филип. II, 13). Такимъ способомъ совершаются изъ тѣлеснаго рожденія духовное возрожденіе всѣхъ приходящихъ ко Христу; Самъ это открылъ, Самъ показалъ, когда Его спросили, какимъ образомъ это можетъ быть; всякое че-

ловъческое разсуждение по этому вопросу Онъ упразднилъ: пусть не отчуждаютъ и дѣтей отъ благодати прощенія грѣховъ. И дитя не инымъ путемъ переходитъ ко Христу: никто не можетъ примириться съ Богомъ и прийти къ Богу, какъ только чрезъ Христа.

Что сказать о самой формѣ таинства? Желалъ бы я, чтобы кто-нибудь изъ мыслящихъ противное принесъ мнѣ младенца, подлежащаго крещенію. Если онъ не содержится во власти дьявола, то какое значеніе имѣть мое заклинаніе? Такъ какъ ребенокъ самъ не можетъ отвѣтить, то за него отвѣтываетъ приносящій. Какимъ же образомъ онъ будетъ говорить, что отрицается дьявола, котораго въ немъ нѣтъ? Какимъ образомъ обращается къ Богу, отъ Котораго не отвращался? Какимъ образомъ вѣруетъ въ отпущеніе несуществующихъ грѣховъ?»¹⁾.

Въ этомъ комментаріѣ для насъ важны тѣ доводы, которые приводить Августинъ въ доказательство той мысли, что дѣтямъ при крещеніи прощается первородный грѣхъ. Доводы эти довольно слабы. Августинъ увѣряетъ, что дитя въ крещеніи освобождается отъ грѣха чрезъ оправданіе и отъ смерти чрезъ воскресеніе, какъ нѣкогда въ пустынѣ смотрѣвшіе на мѣднаго змія врачевались отъ яда и спасались отъ смерти. Что ребенокъ зараженъ духовнымъ ядомъ змія, т. е., тленiemъ природы, и потому нуждается въ уврачеваніи, это понятно, но что это уврачеваніе совершается не иначе, какъ чрезъ прощеніе грѣховъ, это ни откуда не слѣдуетъ: уврачеваніе можетъ состоять въ возстановленіи природы. Тотъ фактъ, что невѣрующій осужденъ и погибнетъ, говорить только о томъ, что въ невѣрующемъ живеть ядъ змія, разстройство природы, которое и удаляетъ его отъ общенія съ Богомъ въ царствѣ Божіемъ; это удаленіе предполагаетъ вину со стороны невѣрующаго, но вина эта заключается не въ самомъ разстройствѣ, а въ фактѣ невѣрія. Ядъ змія естественно отдаляетъ человѣка отъ Бога, а сознательный грѣхъ невѣрія дѣлаетъ его виновнымъ. Дѣти удалены отъ царства Божія, какъ зараженные духовнымъ ядомъ, но здѣсь еще нѣтъ оснований причислять ихъ къ невѣрующимъ: Августинъ прибѣгаєтъ къ явнымъ натяжкамъ, стараясь доказать, что дѣти принадлежать до крещенія къ тѣмъ невѣрующимъ, о которыхъ Христосъ въ дан-

¹⁾ De rassat. meг. I, 59—63.

номъ мѣстѣ говорить, какъ объ осужденныхъ и имѣющихъ погибнуть. Христосъ говорить: *невѣрующій уже осужденъ, но за что? За грѣхъ Адама?* Нѣть, за то, что не увѣровалъ во имя единороднаго Сына Божія. Здѣсь очевидно осуждается сознательное невѣріе, отрицательное отношеніе къ евангелію, о чёмъ въ дѣтяхъ не можетъ быть и рѣчи. Эта же мысль выражается еще яснѣѣ въ дальнѣйшихъ словахъ: *судъ же состоитъ въ томъ, что святъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели светъ, потому что дѣла ихъ были злы.* Эти дальнѣйшія слова относить къ дѣтямъ очевидно уже нѣтъ никакой возможности. Поэтому вся бесѣда Христа съ Никодимомъ не даетъ основаній дѣлать какія-нибудь заключенія какъ о смыслѣ прощенія дѣтей, такъ и объ участіи дѣтей, умирающихъ безъ крещенія: Христосъ не даетъ никакихъ основаній относить дѣтей къ числу невѣрующихъ и осужденныхъ. А что дѣти послѣ крещенія причисляются къ вѣрующимъ, то отсюда также не слѣдуетъ, что до крещенія они причислялись къ невѣрующимъ, потому что о вѣрѣ или невѣріи дѣтей нельзя говорить въ собственномъ, буквальномъ смыслѣ, хотя Августинъ и увѣряетъ, что дѣти могли какъ согрѣшить, такъ и увѣровать чрезъ другихъ, безъ участія собственной воли. Онъ не высказалъ бы этой странной мысли, если бы не видѣлъ себя вынужденнымъ защищать свое мнѣніе о паденіи всѣхъ людей въ Адамѣ. Значеніе восприемниковъ при крещеніи не въ томъ состоитъ, что чрезъ нихъ дѣти въ собственномъ смыслѣ выражаютъ свою вѣру, а въ томъ, что воспріємники даютъ обязательство и ручательство въ христіанскомъ воспитаніи воспринимаемыхъ ими дѣтей при крещеніи. «Божественные наставники, читаемъ у св. Діонисія Ареопагита, постановили допускать къ таинству крещенія и младенцевъ съ тѣмъ, чтобы родители поручили его какому-нибудь искусному дѣтоводителю, дабы подъ его смотрѣніемъ дитя воспитывалось. Воспріемникъ какъ бы говоритъ: я обѣщаюсь внушать младенцу своими наставленіями въ божественномъ ученіи, когда онъ будетъ приходить въ разумъ, чтобы онъ совершенно отрекся отъ сопротивныхъ силъ и исполнилъ божественные исповѣданія, теперь произносимыя»¹⁾). Вообще у отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства мы

¹⁾ О церков. іерар. гл. VIII. отд. III. § 11.

не найдемъ мысли, что дѣтамъ при крещеніи прощается грѣхъ Адамовъ¹⁾.

Что некрещеные дѣти суть невѣрующіе и осуждены на гибель, эту мысль Августинъ настойчиво защищаетъ, но доводы его нельзя признать убѣдительными. Такъ онъ ссылается на слова Спасителя: *кто уверуетъ и крестится, спасется, а кто не уверуетъ, будетъ осужденъ* (Мр. XVI, 16). Но въ этихъ словахъ, какъ и въ бесѣдѣ Христа съ Никодимомъ, нѣть оснований относить некрещеныхъ дѣтей къ неувѣровавшимъ, потому что невѣріе изображается здѣсь тяжкою виною, а въ дѣтяхъ оно не можетъ быть виновнымъ. Затѣмъ Августинъ ссылается на слова Христа: *если не будете пить плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, не будете имѣть жизни въ себѣ* (Иоан. VI, 53), и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что некрещеные дѣти, лишенныя таинства причащенія, не могутъ имѣть жизни и спасенія, а такъ какъ правосудный Богъ не можетъ наказывать невинныхъ, то слѣдуетъ, что Онь наказываетъ некрещеныхъ дѣтей за первородный грѣхъ²⁾. Понятія въ такомъ смыслѣ слова Христа о тѣлѣ и крови Его вызываютъ неразрушимое недоумѣніе, именно, они приводятъ къ мысли, что одного крещенія недостаточно для спасенія дѣтей, что ребенокъ, умершій послѣ крещенія до принятия евхаристіи, не наслѣдуетъ вѣчной жизни. Поскольку эта мысль противна учению вселенской церкви, постольку очевидно, что слова Христа о необходимости вкушения вѣрующими тѣла и крови Его должны быть понимаемы не въ томъ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ихъ Августинъ; они означаютъ ту мысль, что вѣрующіе для поддержания и укрѣпленія духовной жизни въ себѣ должны вступать въ тѣснѣшее общеніе со Христомъ чрезъ таинство евхаристіи; обѣ участіи же младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія или послѣ крещенія, но до принятия евхаристіи здѣсь и рѣчи нѣть.

— Что касается наконецъ совершаемаго при крещеніи надъ дѣтьми экзорцизма или заклинаній для изгнанія злого духа, на что любить ссылаться Августинъ въ подтвержденіе своего понятія о человѣчествѣ, какъ царствѣ дьявола и «massa

¹⁾ См. А. Л. Катанскаго — Догматическое ученіе церкви о таинствахъ въ первые три вѣка христианства. Спб. 1876.

²⁾ De peccat. meг. I, 26—27; Contra duas epist. pelag. I, 40.

perditionis», то, съ одной стороны, обрядовая дѣйствія не могутъ служить источникомъ для установлѣнія догматическихъ истиинъ вѣры, а съ другой—даже признавая власть злыхъ духовъ надъ падшимъ и невозрожденнымъ человѣчествомъ, мы еще не видимъ никакой необходимости заключать отсюда о передачѣ всѣмъ людямъ грѣха Адамова, какъ причины всеобщаго подчиненія людей злымъ духамъ; такою причиною естественно можетъ служить разстройство человѣческой природы и удаленіе ея отъ истинной жизни въ Бога. Что же касается самого экзорцизма, то этотъ обрядъ тѣмъ менѣе можетъ служить источникомъ установлѣнія догматической истины что самое происхожденіе этого обряда тѣряется во мракѣ неизвѣстности; извѣстно только то, что въ первые вѣка на обязанности экзорцистовъ или заклинателей лежало заклинаніе людей, одержимыхъ бѣсами, для изгнанія послѣднихъ; когда это заклинаніе стали совершать надъ крещаемыми и какой смыслъ вначалѣ соединяли съ этимъ заклинаніемъ, не извѣстно¹⁾). Такимъ образомъ совершенно напрасно Августинъ

¹⁾ Въ евангельской исторіи мы видимъ много примѣровъ исцѣленія Христомъ бѣсноватыхъ, причемъ даже ученикамъ его дано было право изгонять бѣсовъ (Ме. X, 8, Лук. IX, 1; X, 17. 19), хотя не во всѣхъ случаяхъ (Ме. XVII, 19; Лук. IX, 40). Мы видимъ даже примѣры, когда невѣрующіе однимъ именемъ Иисуса изгоняютъ бѣсовъ (Лук. IX, 49. Деян. XIX, 13). Если невѣрующіе имѣли такую власть, то тѣмъ болѣе вѣрующіе. Поэтому Тертулліанъ увѣряетъ, что всякий христіанинъ имѣть власть надъ бѣсами (Аполог. 23). Оригенъ же указываетъ какъ на общезнѣстный фактъ, что простые, необразованные христіане безъ всякихъ волхвованій и заклинательныхъ формулъ одною молитвою и заклятиемъ исцѣляли одержимыхъ бѣсами (Contra Cels. VII, 384). Но около половины III вѣка мы видимъ на Западѣ особенную церковную, хотя неіерархическую должность заклинателей, причемъ эти лица совершаютъ заклинанія при крещеніи (Constit VIII, 26; Real-Енцикл. Herzog. Leipzig. 1879. B. IV. s. 456). Walafrid Strabon (IX в.), не обозначая точно времени, относить обрядъ экзорцизма при крещеніи къ тѣмъ, кои появились во времена, следовавшія за апостольскими (De reb. eccles. c. XXVI). Sicard de Cremona и Durand de Mende помышляютъ это установлѣніе между тѣми, которые были введены св. Амвросіемъ, папой Дамасомъ и Львомъ I (Mitrale, lib. VI. c. XIV, Ration. lib. VI. c. LXXXIII, п. 28). Многіе протестантскіе писатели раздѣляютъ это воззрѣніе и, опираясь на молчанія Густина и Тертулліана, заключаютъ, что экзорцизмъ при крещеніи восходить только къ III или даже IV вѣку (Hoeker, De orig. exorcis. in bapt.; Daille, De cultu lat. relig lib. I, c. XIII. p. 62; Mosheim, Hist. eccles., III-e siecle, 2-e port. ch. IV. § 4; Pertschen, Versuch einer Kirchen, Historie IX). При этомъ одни думаютъ, что сначала заклинаніе

въ таинствѣ крещенія дѣтей думалъ найти подтвержденіе своего понятія о первородномъ грѣхѣ.

Еще менѣе обоснованнымъ является указаніе Августина на ветхозавѣтное обрѣзаніе, какъ на доказательство вмѣненія всѣмъ людямъ грѣха Адамова. Осужденіе необрѣзанныхъ въ 8-й день на смерть Августинъ именно объяснялъ первороднымъ грѣхомъ, который тяготѣеть на всѣхъ людяхъ и дѣлаетъ ихъ повинными смерти; такимъ образомъ, по мнѣнію Августина смерть необрѣзанныхъ была дѣломъ естественной справедливости, тогда какъ жизнь обрѣзанныхъ являлась незаслуженнымъ даромъ божественного милосердія, прощающаго первородный грѣхъ; это прощеніе давалось въ обрѣзаніи. Какъ ни странно слышать мнѣніе о прощеніи первороднаго грѣха въ обрѣзаніи, однако Августинъ высказывалъ его со всею опредѣленностью. Если спросить, разсуждаетъ онъ, о причинѣ жестокаго наказанія смертю за необрѣзаніе, то мы не найдемъ въ младенцѣ никакой собственной вины; очевидно, что онъ страдаетъ за небреженіе другихъ, страдаетъ очень жестоко, потому что осуждается на отчужденіе отъ народа Божія. За что же онъ терпѣть такое осужденіе? Не за грѣхъ, совершенный до рожденія, какъ думаютъ некоторые съ платониками: по апостолу, нерожденные ничего не совершаютъ добра или зла (Рим. IX, 11). Ребенокъ потому справедливо наказывается этой гибелью, что принадлежитъ къ массѣ погибели; рожденный отъ Адама, онъ осужденъ за то древнее преступленіе, если не будетъ освобожденъ отъ него по благодати, а не по долгу, по благодати Божіей чрезъ Іисуса Христа.

совершалось только надъ дѣтьми язычниковъ, потому что ихъ рассматривали, какъ обладаемыхъ демономъ, и что лишь впослѣдствіи этотъ обычай распространился на всѣхъ дѣтей безъ различія (*Matthies* Варт. ехроз. р. 202). Другіе думаютъ, что заклинали сначала только одержимыхъ злыми духами, очень многочисленныхъ въ первые вѣка, и что гораздо позже этотъ обрядъ стали совершать надъ всѣми крещаемыми (*Hildebrand*, *Rituel bapt. veter.*, р. 43; *Fr. Schmidt*, *Essai sur la doctrine du baptême*, р. 47) Третіи наконецъ увѣраются, что экзорцизмъ при крещеніи есть частное примѣненіе заклинаній надъ одержимыми бѣсами и восходить къ глубокой древности, основываясь на вѣрованіи въ господство злыхъ духовъ надъ всѣмъ твореніемъ, но формулы заклинательны восходить не дальше какъ къ VI вѣку (*Corblet*, *Histoire dogmatique, liturgique et archeol. du Sacrement de baptême*. Т. II, р. 338—339. Генѣвѣ. 1882). Замѣчательно, что ни св. Діонисій Ареопагитъ, ни Іустинъ, ни Тертулліанъ не упоминаютъ объ экзорцизмѣ при крещеніи.

На Христа пророчески указывало и обрѣзаніе среди другихъ ветхозавѣтныхъ таинствъ. Съ пришествіемъ Спасителя таинства измѣнились, хотя помощь Искунителя не измѣнилась, такъ какъ Онъ и прежде сопоставлялся во плоти освобождалъ древнихъ по вѣрѣ въ Его воплощеніе¹⁾). Въ этихъ словахъ ясно выражена мысль, что чрезъ обрѣзаніе Богъ прощалъ людямъ первородный грѣхъ и спасалъ ихъ также, какъ прощаетъ и спасаетъ въ новомъ завѣтѣ чрезъ крещеніе.

Исаакъ, разсуждаетъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ, не отъ блуда былъ рожденъ и до рожденія ничего дурного не сдѣлалъ, однако и его душа была бы истреблена изъ народа его, если бы онъ не получилъ обрѣзанія: таинство обрѣзанія спасло его отъ этой гибели. За что же онъ имѣлъ подвергнуться этой гибели? Презрѣвши данную въ раю заповѣдь, всѣ въ массѣ стали имѣть тотъ общій грѣхъ. И такъ какъ отъ этого преступнаго рожденія въ Адамѣ никто не освобождается, если не возродится во Христѣ, то и Исаакъ поэтому погибъ бы, еслибы не принялъ знакъ этого самого возрожденія, и справедливо погибъ бы, потому что вышелъ бы безъ знака возрожденія изъ этой жизни, въ которую вступилъ преступнымъ чрезъ преступное происхожденіе²⁾). Здѣсь обрѣзаніе изображается такимъ же знакомъ возрожденія, какъ и крещеніе, и дѣйствія того и другого знака возрожденія, обрѣзанія въ ветхомъ и крещенія въ новомъ завѣтѣ, оказываются тожественными.

Всякій знаетъ, пишетъ еще Августинъ, что таинство обрѣзанія прообразовательно предшествовало таинству крещенія. Приказано было отрѣзывать часть тѣла (*ргаерціум*, «крайняя плоти») для того, чтобы очистить порокъ, получаемый при происхожденіи. Если бы этого порока не было въ сѣмени, онъ не переходилъ бы на дѣтей, въ которыхъ онъ подлежалъ уничтоженію чрезъ то тѣлесное обрѣзаніе; и если бы не переходилъ, то не было бы нужды и въ удаленіи его чрезъ обрѣзаніе. А такъ какъ ребенокъ никакого собственнаго грѣха не имѣетъ, то остается признать, что врачествомъ обрѣзанія въ немъ уничтожался именно первородный грѣхъ, за который онъ и погибалъ по божественному правосудію, если

¹⁾ De ресc. orig. 35—37.

²⁾ C^ontra Iulian. VI, 34—35.

не очищался отъ него чрезъ обрѣзаніе ¹⁾). Итакъ, по мнѣнію Августина, въ обрѣзаніи людямъ прощался первородный грѣхъ.

На предложеніе Юліана найти въ Писаніи указаніе на вмѣніеніе первородного грѣха въ ветхомъ завѣтѣ Августинъ прямо указываетъ на установление обрѣзанія и утверждаетъ, что это установление имѣло не иной какой смыслъ, какъ именно прощеніе первородного грѣха, какъ это прощеніе въ новомъ завѣтѣ дается людямъ въ таинствѣ крещенія ²⁾.

Ветхозавѣтные праведники, разсуждаетъ Августинъ, спасались тою же вѣрою въ Искупителя, какъ и мы. Поэтому было установлено обрѣзаніе, которое для обозначенія очищенія въ дѣтяхъ первородного, древняго грѣха имѣло такую же силу, какую имѣеть крещеніе для обновленія человѣка. Впрочемъ и ранѣе обрѣзанія существовала праведность отъ вѣры. Одна и та же вѣра въ Искупителя спасала древнихъ праведниковъ, взрослыхъ съ дѣтьми; не ветхій завѣтъ, не законъ, но спасала благодать Божія чрезъ Іисуса Христа. Какъ мы вѣруемъ во Христа, пришедшаго во плоти, такъ очи вѣрили въ имѣющаго прийти; какъ мы вѣруемъ, что Онъ умеръ и воскресъ, такъ они вѣрили, что Онъ умретъ и воскреснетъ; и мы и они вѣруемъ, что Онъ придетъ для суда надъ живыми и мертвыми ³⁾). Здѣсь мысль Августина выражена ясно: по вѣрѣ ветхозавѣтныхъ людей въ будущаго Искупителя Богъ прощалъ имъ въ обрѣзаніи первородный грѣхъ, какъ намъ прощаетъ этотъ грѣхъ въ крещеніи.

Какія же основанія приводилъ Августинъ для столь смѣлой мысли? Основаніе одно: приказаніе истреблять изъ среды народа необрѣзанныхъ въ 8-й день. Такъ какъ подъ народомъ Августинъ разумѣлъ общество вѣрующихъ или церковь, то истребленіе это онъ понималъ въ смыслѣ осужденія не только на тѣлесную смерть, но и на духовную, на полное отчужденіе отъ Бога ⁴⁾; причину же этого осужденія онъ усматривалъ въ первородномъ грѣхѣ. Но, во первыхъ, въ Писаніи ничего не говорится о томъ, что подъ истребленіемъ души необрѣзанаго изъ среды народа нужно разумѣть вѣчную по-

¹⁾ Contra Julian. VI, 18—19.

²⁾ Op. imp. II, 73—74; IV, 134.

³⁾ De nupt. et concup. II, 24,

⁴⁾ De pecc. orig. 95.

гибель, а во вторыхъ — ничего не говорится и о причинѣ этого истребленія. Если же здѣсь открыто поле для предположеній, то съ неизънѣшою основательностію, чѣмъ взглѣдъ Августина, можно провести то мнѣніе, что причиною осужденія необрѣзанныхъ было желаніе устрашить послушниковъ и упрочить законъ обѣ обрѣзаніи; самое же обрѣзаніе служило знакомъ вѣры человѣка въ Бога и союза съ Богомъ; о какомъ-нибудь прощеніи первородного грѣха при обрѣзаніи свящ. Писаніе ничего не говоритъ. Напротивъ, ап. Павель ясно учитъ, что само по себѣ обрѣзаніе не имѣло значенія, что обрѣзанный не имѣетъ никакого преимущества предъ необрѣзаннымъ, если не возвышается надъ послѣднимъ нравами: обрѣзаніе полезно, если исполняешь законъ, а если ты преступникъ закона, то обрѣзаніе твое стало необрѣзаніемъ; итакъ, если необрѣзанный соблюдаетъ постановленія закона, то его необрѣзаніе не вмѣнится ли ему въ брѣзаніе? и т. д. (Рим. II, 25 и дал.). Всобще мнѣніе Августина о значеніи ветхозавѣтнаго обрѣзанія совершенно чуждо христіанскому сознанію и Св. Писанію; намъ слѣдуетъ отмѣтить здѣсь только ту полную цараллель, какую проводить Августинъ въ ученіи о смыслѣ крещенія дѣтей и обрѣзанія дѣтей: несостоительность ученія обѣ обрѣзаніи невольно заставляетъ относиться осторожно и къ ученію о крещеніи.

Доселѣ Августинъ пытался доказать, что грѣхъ Адама есть не чужой для всѣхъ людей, а и ихъ собственный грѣхъ, почему и вмѣняется справедливо всѣмъ людямъ. Какъ ни много писалъ Августинъ съ цѣллю обоснованія этой мысли, однако онъ, повидимому, самъ сознавалъ нѣкоторую шаткость и странность этой мысли. Поэтому онъ пытается доказать, что во вмѣневіи грѣха Адамова всѣмъ людямъ нѣть ничего странного даже въ томъ случаѣ, если признать его чужимъ для потомковъ Адама, отказавшись отъ мысли обѣ участіи всѣхъ людей въ совершенніи его. Онъ утверждаетъ, что Богъ часто вмѣняетъ людямъ грѣхи невольные и часто грѣхи однихъ вмѣняетъ другимъ¹). На этой почвѣ снова возгорѣлась обширная полемика между нимъ и пелагіанами. Послѣдніе находили прежде всего, что Августинъ искаражаетъ самое понятіе о грѣхѣ. Грѣхъ не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣть сознанія и свободы. Юліанъ воспользовался тѣмъ опредѣленіемъ грѣха,

¹⁾ Op. imp. I, 105—106; Contra Jul. III, 37; De nat. et gr. XVII.

какое дано было самимъ Августиномъ въ дополнительныхъ сочиненияхъ, и теперь направляетъ его противъ учения Августина о первородномъ грѣхѣ, такъ что Августинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ измѣнить свое понятіе о грѣхѣ и признать, что сдѣланное имъ ранее опредѣленіе грѣха не вполнѣ обнимаетъ всѣ виды грѣха. Грѣхъ по прежнему опредѣленію Августина, есть *voluntas admittendi vel retinendi quod justitia vetat et unde liberum est abstinere*, т. е., воля, намѣреніе, расположение допустить или исполнить то, что запрещается праведностію и отъ чего свободно воздержаться.

— O'licens, aigum in stercore! — восклицаетъ по поводу этого опредѣленія Юліанъ! Что истиннѣе, что вполнѣ могло быть сказано по этому вопросу даже православнымъ? Твое опредѣленіе подтверждается и Писаниемъ: *Богъ создалъ человѣка и оставилъ его въ рукахъ совѣта его: положилъ предъ нимъ жизнь и смерть, воду и огонь; что будетъ угодно ему, дастся ему* (Еккл. XV, 14, 17, 18); *если пожелаете и послушаете меня, окусите благъ земли, если же не пожелаете и не послушаете, мечъ васъ пожретъ* (Ис. I, 19); *отрезвитесь, какъ должно, и не грызите* (1 Кор. XV, 34). По поводу этихъ текстовъ Августинъ замѣчаетъ, что здѣсь говорится о волѣ тѣхъ, кои находятся подъ дѣйствиемъ благодати: благодать даетъ волѣ возможность избирать жизнь или смерть.

— Воля, продолжаетъ Юліанъ, есть движение духа, имѣющаго въ своей власти склониться налево — къ злу, или направо — къ добру. Это движение свойственно тому, кто по своему возрасту можетъ пользоваться судомъ разума; ему указываются одновременно и наказаніе и слава, чрезъ что предлагается помочь и какъ бы случай, но не налагается необходимость избрать то или другое. Посему, эта воля, возможность которой лежитъ въ свободномъ решеніи, а осуществленіе — въ ней самой, и не существуетъ прежде, чѣмъ начнетъ желать, а желать она можетъ не прежде, какъ получивши возможность и не желать; хотѣніе же или нехотѣніе прежде употребленія разума не можетъ быть на сторонѣ грѣха. Изъ всего этого ясно, что ты далъ безусловно правильное опредѣленіе грѣха: «грѣхъ есть воля совершить или допустить запрещаемое праведностію, отъ чего свободно воздержаться». Отсюда ясно, что грѣхъ, не существуя въ воли, получаетъ свое происхожденіе отъ собственного движения воли. Виды грѣховъ разнообразятся въ личностяхъ; различие грѣховъ проявляется въ различныхъ

степеняхъ виновности и въ условіяхъ обстоятельствъ. Грѣхъ проходитъ отъ стремленія къ недозволенному и существуетъ только въ томъ человѣкѣ, который возымѣлъ злую волю, будучи способенъ и не имѣть ея.

Августинъ отвѣтываетъ, что приведенное опредѣленіе грѣха было отнесено имъ къ первому грѣху Адама, потому что Адамъ, когда согрѣшилъ, ничѣмъ не былъ побуждаемъ насилию къ грѣху; согрѣшивъ, онъ дѣйствительно совершилъ то, что запрещалось праведностю и отъ чего свободно было воздержаться. А тому, кто говоритъ: *дѣлаю зло, котораго не желаю* (Рим. VII, 29), не свободно воздержаться отъ зла. Поэтому, если бы ты различалъ грѣхъ, наказаніе за грѣхъ и наконецъ грѣхъ такъ, что онъ есть и наказаніе за грѣхъ, то ты понялъ бы, къ какому изъ этихъ трехъ видовъ относится данное опредѣленіе грѣха, именно, къ первому. Примѣръ грѣха мы видимъ въ Адамѣ. Люди совершаютъ много зла, отъ котораго имъ свободно воздержаться, но никому не свободно такъ, какъ было свободно тому, кто предстоялъ Богу своему въ первозданной правотѣ, безъ всякаго искаженія какимъ-нибудь порокомъ. Примѣръ наказанія за грѣхъ можно видѣть въ томъ злѣ, которое человѣкомъ не совершается, а только терпится, когда, напр., кто-нибудь подвергается за свой грѣхъ смерти или какому-нибудь другому тѣлесному мученію. А примѣръ третьяго вида можно понять въ томъ, кто говоритъ: *дѣлаю зло, котораго не желаю*. Сюда относится и все то зло, которое, будучи совершаемо по невѣдѣнію, не считается зломъ или даже считается добромъ. Ибо несправедливо было бы обличать слѣпоту сердца, если бы она не была грѣхомъ, а она справедливо обличается въ словахъ: *фарисеи слѣпы* (Мѳ. XXIII, 26) и во многихъ иныхъ мѣстахъ Свящ. Писанія. Но если бы эта же слѣпота не была и наказаніемъ за грѣхъ, не было бы сказано: *ослепили ихъ злоба ихъ* (Прем. II, 21); а ослѣпленіе это если бы происходило не по божественному суду, мы не читали бы: *да помрачатся очи ихъ, что бы не видѣть, и спину ихъ всегда сгибай* (Исал. LXVIII, 24). Кто добровольно дѣлается слѣпъ по духу, когда никто не желаетъ быть слѣпымъ и по плоти? Первородный грѣхъ не относится къ тому первому роду грѣха, гдѣ грѣхъ есть воля свободно совершить зло, иначе его не могло бы быть въ дѣтяхъ, кои еще не пользуются рѣшеніемъ воли; не относится онъ и ко второму роду грѣха, потому что дѣло у насъ о грѣхѣ, а не

о наказаниї за грѣхъ, которое не есть грѣхъ, хотя по справедливости слѣдуетъ за грѣхомъ; наказаніе терпать и дѣти, потому что и у нихъ тѣло мертвое по причинѣ грѣха (Римл. VIII, 10); однако эта смерть тѣла не есть грѣхъ, равно какъ и всѣ тѣлесныя страданія. Первородный грѣхъ относится къ тому третьему роду, гдѣ грѣхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наказаніе за грѣхъ; онъ есть и въ рождающихся, но проявляться начинаетъ въ подростающихъ, когда для неразумныхъ нужна премудрость и для желающихъ зла — воздержаніе. Однако и этого грѣха происхожденіе коренится въ волѣ грѣшника: «быль Адамъ, и въ немъ были всѣ мы, погибъ Адамъ, и въ немъ погибли всѣ» ¹⁾).

Эти слова Августина приводятся учеными изслѣдователями его обыкновенно въ подтвержденіе той мысли, что подъ первороднымъ грѣхомъ Августинъ разумѣлъ виновное разстройство человѣческой природы, называя его грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ Адама. Какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, несомнѣнно, что Августинъ признавалъ разстройство человѣческой природы виновнымъ или преступнымъ предъ Богомъ, и вину эту считалъ виною первородною или грѣхомъ первороднымъ. Но этимъ не только не отрицается, а напротивъ утверждается сдѣланное нами опредѣленіе первородного грѣха, по Августину, какъ наслѣдственно передаваемаго всѣмъ грѣха Адамова. Нужно нѣсколько вникнуть въ приведенные слова Августина. Къ третьему роду грѣха Августинъ относить разстройство природы, проявляющееся въ ослѣплѣніи ума и въ разслабленіи воли до необходимости грѣшить: это зло есть справедливое наказаніе людямъ за совершенный ими въ Адамѣ грѣхъ; не всякое зло есть грѣхъ, зло терпимое невинно дѣтьми по словамъ Августина, не есть грѣхъ; и зло или разстройство человѣческой природы не было бы грѣхомъ, если бы не сами люди причинили его себѣ въ Адамѣ. Если это зло является дѣйствительно виновнымъ или грѣховнымъ, то это потому именно, что грѣхъ, совершенный людьми въ Адамѣ, тяготѣть на всѣхъ такъ же, какъ и на Адамѣ, онъ есть общий всѣмъ грѣхъ, грѣхъ первородный. Въ данномъ случаѣ приведенные слова Августина важны для насъ въ другомъ отношеніи, именно, въ отношеніи понятія Августина о грѣхѣ. Изъ этихъ словъ видно, что въ борьбѣ съ пелагіанами Авгу-

¹⁾) Ambros lib. VII in Luc. XV. 234; Op. imp. I, 44—47.

стинъ совершенно измѣнилъ свое понятіе о грѣхѣ; теперь онъ грѣхомъ, какъ свободнымъ нарушениемъ воли Божией, называетъ только первый грѣхъ; всѣ же прочие грѣхи совершаются по большей или меньшей необходимости, по принужденію со стороны «грѣшащей природы» (*natura peccatrix*). Вместо понятія свободы Августинъ выдвигаетъ въ грѣхѣ понятіе о необходимости, такъ какъ свободной воли послѣ грѣха не стало, явилась воля связанныя, рабствующая грѣху. Отсюда намъ становится понятнымъ странное въ первый взглядъ ученіе Августина о томъ, что Богъ вмѣняетъ и грѣхи невольные, совершенные по необходимости: иныхъ грѣховъ для Августина и неѣть, кромѣ первого грѣха; всѣ грѣхи, кромѣ первого, совершаются принудительно, хотя принудительность можетъ быть большей или меньшей; грѣхи совершаются не свободною волею, а или по слѣпотѣ ума, когда человѣкъ не знаетъ, чего требуетъ праведность, и по насилию похоти, которою человѣкъ побѣждается и тогда, когда знаетъ, отъ чего слѣдуетъ воздерживаться¹). Правда, Августинъ не отрицаеть, что люди совершаютъ много и такихъ грѣховъ, отъ которыхъ имъ свободно было воздержаться, но изъ ученія его о падшой свободѣ известно, что онъ признавалъ человѣка свободнымъ водерживаться отъ одного грѣха лишь для того, чтобы впасть въ другой грѣхъ: онъ отрицаеть свободу человѣка на добро и признаеть свободу на грѣхъ, признаеть свободу естественного человѣка изъ многихъ грѣховъ избрать тотъ или другой, отвергнувъ прочие; это и значитъ, что человѣкъ свободенъ воздерживаться отъ грѣховъ. Но кромѣ этихъ свободно, т. е., по выбору, совершаемыхъ грѣховъ «родъ человѣческій полонъ грѣхами, совершаемыми по необходимости—отъ невѣдѣнія или отъ страстей; это уже не просто грѣхи, но и наказанія за грѣхи»; они заслуживаютъ вмѣненія, ибо иначе не было бы сказано: *грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни* (Пс. XXIV, 7); запечатлѣль же ми еси беззаконія въ мышцѣ, назнаменалъ же еси, аще что неволею преступихъ (Іов. XIV, 17); *отъ нужды моихъ* (*de necessitatibus*, отъ грѣховъ необходимости) *изведи мя* (Псал. XXIV, 17)²). Выводъ, какой отсюда слѣдовалъ по вопросу о первородномъ грѣхѣ, понятъ: если нельзя опредѣлять грѣхъ, какъ актъ свободной воли, то нельзя отрицать

¹⁾ Ор. іmp. VI, 17.

²⁾ Ор. іmp. I, 105—106.

и первородного грѣха потому только, что онъ не совершенъ свободною волею людей, а лежитъ на нихъ отъ рожденія по необходимости. Какимъ образомъ, по какой справедливости возможно вмѣненіе грѣховъ необходимости, этого Августинъ не объясняетъ, и вообще вопросъ о вмѣненіи составляетъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ въ его доктринѣ. Тамъ, гдѣ онъ оказывается вынужденнымъ коснуться его, онъ въ противорѣчіе себѣ находитъ необходимымъ признавать свободу человѣка не грѣшить: движенія воли заслуживаютъ судъ Божій потому, что они зависятъ отъ насъ¹⁾). При установлѣніи же новаго понятія о грѣхѣ Августинъ оказался въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, чому училъ ранѣе. Въ до-пелогланскихъ сочиненіяхъ Августинъ решительно признаетъ и приводить неопровергимые доводы въ пользу свободы воли, какъ единственного условия вмѣненности грѣховъ. Представь, говоритъ онъ, человѣка, рукою которого во снѣ начертали преступныя буквы. Виновенъ ли онъ? Нѣтъ. Представь другого, проснувшагося, но со связанными членами, кромѣ руки, котораго принудили сдѣлать тоже самое. И этотъ невиновенъ. Но если спящій заранѣе зналъ о томъ, что послѣдуетъ, и намѣренно уснулъ, и если связанный нарочно поставилъ себя въ такое положеніе, чтобы имѣть оправданіе, оба виновны, потому что у обоихъ былъ актъ воли. Не нужно смѣшивать дѣйствій, вытекающихъ изъ воли, и дѣйствій, совершаемыхъ по принужденію²⁾). Съ этой точки зрѣнія немыслимо ни вмѣненіе чужого грѣха, ни понятіе о грѣхѣ, совершенномъ безъ участія собственной, свободной воли. Нужно доказать, что человѣкъ «намѣренно уснулъ», т. е., всѣ люди намѣренно согрѣшили въ Адамѣ, чтобы доказать возможность вмѣненія всѣмъ этого грѣха.

Когда Юліанъ замѣчаетъ, что признаніе первородного грѣха въ дѣтяхъ ведетъ къ признанію возможности появленія грѣха безъ участія воли и разума, то Августинъ оспариваетъ это заключеніе и утверждаетъ, что грѣхъ не можетъ быть безъ свободной воли, первородный же грѣхъ произошелъ „отъ свободной воли, хотя не собственной воли рождающагося, а воли того, въ которомъ всѣ были по происхожденію отъ него (originaliter), когда онъ злую волею повредилъ общую при-

¹⁾ De arbit. lib. III, 1, II, 17.

²⁾ De duab. anim. 10.

роду». Это ли значитъ отвѣтить? — восклицаетъ по этому по-
воду Юліанъ. Это ли значитъ разсуждать? Это ли значитъ
имѣть уваженіе къ здравому смыслу? Образованный человѣкъ
посмѣется надъ этими уловками софизмовъ, гдѣ чрезъ смы-
шеніе именъ производится насмѣшка надъ простотой вопрошаю-
щаго. Грѣхъ не можетъ быть безъ свободной воли, какъ за-
чатіе безъ половыхъ разностей ¹⁾.

Августинъ продолжаетъ отстаивать свою мысль, выясняя,
что грѣхъ не можетъ быть безъ свободной воли, но что онъ
не всегда совершается по свободной волѣ. Воля участвуетъ
въ каждомъ грѣхѣ, но воля несвободная, связанныя. Одно
дѣло, пишетъ онъ, сказать, что грѣхъ не можетъ быть безъ
свободной воли, это и мы признаемъ; но другое дѣло сказать,
что грѣхъ не можетъ быть иначе, какъ въ свободной волѣ,
этого мы не признаемъ, потому что первородный грѣхъ не
въ волѣ рождающихся; онъ не въ волѣ людей, но возникъ
не безъ воли одного человѣка. Если бы ты сказалъ, что грѣхъ
не можетъ быть безъ собственной воли субъекта, я не со-
гласился бы съ тобою; но когда ты сказалъ вообще, что
грѣхъ не можетъ быть безъ воли, я согласился, потому что
и первородный грѣхъ совершенье не безъ воли первого человѣка. Тотъ, кто сказалъ: *назнаменалъ еси, аще что неволею преступихъ*, не имѣлъ въ своей волѣ совершить грѣхъ, такъ
какъ совершилъ его противъ воли. Во всякомъ грѣхѣ есть
участіе воли, хотя и несвободной. «воля есть и при необхо-
димости» ²⁾. Очевидно, что Августинъ не даетъ удовлетвори-
тельный отвѣта на возраженіе Юліана: каково бы ни было
участіе воли въ совершенніи грѣха, во всякомъ случаѣ оно
должно быть; а доказать, что воля всѣхъ людей принимала
какое бы то ни было участіе въ совершенніи первого грѣха
невозможно; этотъ грѣхъ явился въ нихъ безъ всякой воли.

Какъ же понять возможность появленія въ людяхъ грѣха
безъ всякаго участія собственной воли ихъ? На этотъ вопросъ
Августинъ отвѣтываетъ тѣмъ соображеніемъ, что, возникнувъ по
волѣ, грѣхъ можетъ существовать и передаваться уже помимо
воли. Разъ возникнувъ въ Адамѣ изъ воли послѣдняго, перво-

¹⁾ Ор. ішр. IV, 90.

²⁾ Ор. ішр. IV, 91—95. Въ словахъ — первородный грѣхъ совершенье
волею Адама, мы видимъ новое, ясное подтвержденіе той мысли, что
подъ этимъ грѣхомъ Августинъ разумѣлъ именно первый грѣхъ Адама.

родный грѣхъ могъ пребывать затѣмъ и безъ воли Адама, какъ и всякий вообще грѣхъ, послѣ того какъ совершенъ, продолжаетъ пребывать виновностию безъ всякой воли человѣка и даже вопреки ей, подобно тому какъ хлѣбъ не можетъ родиться безъ сѣмянъ и дѣти безъ родителей, но, родившись, и дѣти и хлѣбъ могутъ пребывать безъ родителей и сѣмянъ. Пребывая же, грѣхъ Адама передается отъ отцовъ къ дѣтямъ «per contagium», чрезъ зараженіе; грѣхъ не можетъ быть совершенъ безъ воли, но переданъ могъ быть и безъ воли, по зараженію¹⁾). Такимъ образомъ Августинъ твердо держится своего мнѣнія, что въ дѣяхъ грѣхъ можетъ явиться безъ воли ихъ, хотя въ то же время настойчиво повторяетъ, что грѣхъ не можетъ возникнуть безъ всякой воли и что первородный грѣхъ возникъ по волѣ Адама.

Такая аргументація кажется Юліану довольно странной и по поводу ея не безъ ироніи онъ замѣчаетъ, что въ сравненіи съ Августиномъ ничего не значить Анаксагоръ, который доказывалъ, что сѣять черенъ. Ты, обращается онъ къ Августину, доказываешь, что отъ плодовъ воли возникла необходимость, такъ что воля сама себя уничтожила и измѣнила собственное состояніе, начавши дѣйствовать, короче говоря, воля перестала быть послѣ того, какъ она начала быть (появилась). Необходимость и воля противоположны.

А. Нремлевскій.

---

¹⁾ Op. imp. IV, 96—102.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки